

<http://dx.doi.org/10.18524/2307-4558.2019.31.178521>

УДК [811.581+811.161.1]’367.332/.52

ЧЕНЬ Шаосюн,

кандидат филологических наук, преподаватель факультета русского языка института иностранных языков Хучжоуского университета; Вторая Восточная дорога, 759, г. Хучжоу, 313000, КНР; тел.: +86 186 21792342; e-mail: aljosh@126.com; ORCID ID: 0000-0002-2101-9742

ОБЩЕЕ И РАЗЛИЧНОЕ В ПОРЯДКЕ СЛОВ КИТАЙСКОГО И РУССКОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Аннотация. Цель данной статьи — выявить некоторые существенные совпадения и различия порядка слов в русском и китайском простом предложении и определить направления использования установленных особенностей при изучении этих языков. *Объект* исследования — конструкции простого предложения в русском и китайском языках. *Предмет* исследования — структурные, семантические и функциональные различия словорасположения в русском и китайском высказывании. Используются *методы* функционально-синтаксического и лексико-семантического анализа, сопоставительный и описательный методы. В *результате* проведённого исследования установлено, что русское предложение из трёх слов: субъекта, предиката и объекта, — имеет все шесть возможных форм словорасположения, тогда как его китайский эквивалент — только три. В то же время, и в русском, и в китайском языках основным, экспрессивно нейтральным является модель «субъект — предикат — объект». *Выводы* заключаются в следующем: изменение порядка следования слов в высказывании тесно связано с фразовым ударением и актуальным членением. Изменение прямого порядка слов обычно указывает на изменение оттенков смысла и подтекст высказанного, если субъект и объект неизменны по сути.

Ключевые слова: простое предложение, порядок слов, вариативность, сопоставление, китайский и русский языки.

Постановка проблемы. Сопоставительная лингвистика — активно развивающееся направление современного языкознания, имеющее набор исследовательских методов и приёмов, предназначенных для поиска универсальных и специфических языковых черт, наиболее оптимальных способов практического изучения иностранных языков и объективной оценки состояния родного языка среди других языков. Известный китайский языковед Гао Минкай (Gao Mingkai) писал о том, что «благодаря сопоставлению мы осознали, какие грамматические категории являются всеобщими для всех языков, а какие — специфическими, и только сопоставление поможет нам отклониться от китаизма и европеизма в лингвистических исследованиях. Занимаясь сопоставлением грамматических конструкций разных языков, мы, тем не менее, углубляем знания о китайском языке» [5, с. 168]. Философское понимание сопоставления сводится к его интерпретации как сравнения одной сущности с другой, за счёт чего обнаруживаются всевозможные отношения между ними. Люй Шусян (Lv Shuxiang) утверждал, что при сопоставлении явлений, представленных в двух языках, могут быть три разных результата: первый — выражение сопоставляемых понятий свидетельствует о совершенно разных принципах их выражения в данных языках; второй — в одном языке данное явление представлено большим количеством форм (граммем), чем в другом; третий — в одном языке определённое понятие имеет формы выражения, а в другом — нет. Каждый сопоставляемый языковой факт способствует нашему познанию сути обоих языков [13, с. 197].

В современном языкознании чрезвычайно актуальным является совершенствование методики преподавания русского и китайского языков как иностранных. Расширение международного сотрудничества в условиях современной глобализации экономического, образовательного, культурного пространства требует доступных и надёжных коммуникативных методик, которые невозможны без компетентного владения коммуникантами иностранными языками и совершенных программ онлайн-перевода.

Знание особенностей порядка слов в предложении имеет важное значение для правильного использования языка и правильного понимания содержания речи. Это один из обязательных аспектов как пользовательского, так и профессионального изучения языков. Благодаря знанию порядка слов в иностранном языке коммуникант, в первую очередь, способен правильно определять грамматические функции слов в предложениях и их коммуникативную структуру. Изучение коммуникативной нагрузки порядка слов в неродственных китайском и русском языках в сопоставительном аспекте помогает глубже познать закономерности организации этих языков, установить их связь с другими языками, совершенствовать программы русско-китайского и китайско-русского компьютерного перевода, развивать методику изучения китайского языка лицами, говорящими по-русски, а русского языка — говорящими по-китайски.

Связь изучаемой проблемы с предыдущими исследованиями. Долгое время, вплоть до середины XX века, лингвисты не уделяли достаточного внимания изучению словоупотребления в ка-

честве категории синтаксиса. То же можно сказать и о сопоставительном аспекте изучения языков. В традиционном синтаксисе исследование словопорядка до середины XX века было ограничено его изучением в словосочетании и простом предложении [4]. В 1950-е годы В. В. Виноградов в академической «Грамматике русского языка» обосновал актуальность словопорядка как средства синтаксической связи наравне со словоформой и служебными словами. Описание порядка главных членов в простых повествовательных предложениях занимает более 30 страниц [8].

Чешский лингвист Вилем Матезиус, который был активным участником Пражского лингвистического кружка, в середине XX века выдвинул теорию актуального членения, которая стала основой изучения коммуникативной структуры речи. Применяя эту теорию к исследованию чешского и английского языков, учёный получил весомые результаты, которые помогли лингвистам всего мира, в том числе русистам, развить новое направление лингвистики — коммуникативную лингвистику.

В связи со становлением этого направления в лингвистике, вопрос о словопорядке приобрёл исключительную важность, в том числе в китайском и русском языках. Авторитетный китайский лингвист Ван Ли (Wang Li) в работе «Теория грамматики китайского языка» («Чжунго юйфа лилунь», 1944–1945) утверждает, что устойчивый словопорядок представляет собой важную особенность китайского языка. Учёный признаёт наличие двух частей в современной грамматике: морфологии и теории образования предложений, то есть синтаксиса. В китайистике теория предложения изучает конструктивные модели предложений и функции слов в них; словопорядок тесно связан с функциями, которые выполняют слова в предложениях, указывая на отношения между компонентами высказываний [1]. Следовательно, основную роль в грамматической системе китайского языка Ван Ли отводит синтаксису. Обычным для китайского языка алгоритмом отнесения слова к той или иной части речи является его синтаксическая позиция в высказывании. В работах 1940-х годов учёный обращает внимание на роль некоторых служебных слов, указывающих на грамматические функции знаменательных слов, и в поисках аргументов того, чтобы, как и в индоевропейских языках, принадлежность слова к части речи можно было определять ещё до его вхождения в конкретное высказывание и указывать в словаре, выдвигает семантические критерии отнесения слов к частям речи: «В китайском языке распределение слов по частям речи основывается почти исключительно на значении» [2]. Описание грамматических функций слов опирается на теорию трех рангов слов О. Есперсена. В работах 1950-х годов Ван Ли, после дискуссии 1953–1954 гг. о частях речи в китайском языке, в которой приняли участие ведущие китайские языковеды, усилил свою концепцию определения частеречной принадлежности слова. В основе морфологической системы китайского языка, по его мнению, лежит дихотомия лексического значения слова и его грамматической функции в предложении. Эту мысль учёный обосновал в работе «К вопросу о наличии частей речи в китайском языке» (1956), положения которой в интерпретации современной научной парадигмы были закреплены в работе Ван Ли «Части речи» (1981) [3]. Важно для китайского языка и то, является ли та или иная грамматическая (синтаксическая) функция регулярной для данного слова. Этой же позиции придерживается абсолютное большинство китаеведов мира [напр.: 9; 14; 17; 18].

В XIX веке в русском языкознании были предприняты первые попытки освещения закономерностей порядка слов на грамматической основе. Впервые этот вопрос рассмотрел И. И. Давыдов. Проблемами словорасположения занимались также А. А. Барсов, М. И. Греч, Ф. И. Буслаев, А. Х. Востоков, К. С. Аксаков, В. П. Сланский. Их подход к освещению порядка слов характеризуется, с одной стороны, чёткой связью с аристотелевской формальной логикой (поэтому направление и называется логико-грамматическим) и, с другой стороны, стремлением, через неё раскрыть специфические, собственно грамматические особенности русского словорасположения [4, с. 142, 189, 201, 307]. В качестве критерия характеристики порядка слов в XX веке на уровне словосочетаний и предложения в русском языке выступает обычность этого порядка как норма употребления. Для характеристики порядка слов используются термины: *прямой порядок* и *обратный порядок* [15, с. 218–222]. В разных отраслях языкознания прямой порядок слов отождествляют с *обычным, нормальным, объективным, нейтральным порядком*, а обратный — с *инверсионным (инверсивным, инвертированным), субъективным, экспрессивным порядком*. Если слово (член предложения) расположено на обычном для него месте по отношению к другому слову (члену предложения), с которым оно непосредственно связано, принято говорить о прямом порядке. Всякое отступление от обычного (прямого) порядка рассматривается как обратный порядок. А. Н. Гвоздев вводит понятия *описательный порядок слов* и *повествовательный порядок слов* [6, с. 171]. Результатом становления коммуникативной лингвистики во 2-й пол. XX в. были раскрыты закономерности порядка слов в русском предложении с актуальным членением высказывания, стилистической и экспрессивной его окраской. Серьёзно начали разрабатываться вопросы вариативности порядка слов в высказывании. Впервые эти идеи были сформулированы И. И. Ковтуновой в 1970-е годы [12; 16, т. 2, с. 190–213 и др.]. Их разработка

получает развитие сегодня. Во многом этому способствует сопоставительное изучение порядка слов в русском и других языках.

Постановка задач. Цель данной статьи — выявить некоторые существенные различия порядка слов в русском и китайском языках и определить направления использования установленных особенностей при изучении этих языков. Объект исследования — конструкции простого предложения в русском и китайском языках. Предмет исследования — структурные, семантические и функциональные различия словорасположения в русском и китайском высказывании. Методы изучения материала и описания результатов: сопоставительный, описательный, методы функционально-синтаксического и лексико-семантического анализа.

Изложение основного материала. Типологическое изучение языков и их классификация по разным признакам — важное направление современной лингвистики. Американский языковед Дж. Гринберг (J. H. Greenberg) в своей работе «Некоторые универсалии грамматики, учитывающие порядок значимых элементов» приводит классификацию типов словопорядков в разных языках, выделяя 6 возможных типов порядка слов в большинстве языков: (1) SOV, (2) SVO, (3) VSO, (4) VOS, (5) OVS, (6) OSV [24].

К русской конструкции с прямым порядком слов (SVO) *Я читаю книгу* имеются следующие варианты инверсивного словопорядка [22]:

1. SOV — *Я книгу читаю.*
2. VSO — *Читаю я книгу.*
3. VOS — *Читаю книгу я.*
4. OVS — *Книгу читаю я.*
5. OSV — *Книгу я читаю.*

В китайском языке аналогичное высказывание имеет два варианта словопорядка: SVO и OSV. Кроме этого, при помощи вспомогательного глагола «*ba*» может быть реализована модель SOV.

Несмотря на наличие многочисленных возможных порядков слов, только от одной до трёх моделей продуктивны и могут употребляться как экспрессивно и стилистически нейтральные.

С точки зрения классификации порядка слов в предложении, русский язык относится к языкам, для которых характерна модель SVO, т. е. нормальный порядок слов в предложении — это «подлежащее + сказуемое + дополнение». Что касается китайского языка, то лингвисты считают, что нормальный порядок слов в китайском языке тоже SVO. Следовательно, китайский и русский язык имеют одинаковый объективный порядок: SVO. Российский востоковед В. М. Солнцев имеет аналогичную точку зрения [18]. Американский востоковед Т. Лайт (T. Light) полагает, что для китайского языка типична модель SVO [10]. Китайский лингвист Зен Консун (Zeng Congsun) в работе «Типология языков и споры по вопросам SVO и SOV в китайском языке» утверждает, что модель SVO в китайском языке имеет последовательность и стабильность, этот вывод поддерживается статистическими данными. Зен Консун привёл их по материалам классической пьесы «Гроза» китайского драматурга Цао Юй (曹禺 / Cao Yu): модель SVO составляет 66,6 % от общего числа предложений [11].

В китайском языке OV — это вариант модели SVO. Он встречается в предложениях со вспомогательными глаголами «*ba*» или «*bei*» (эти два вспомогательных глагола служат для образования предложений с действительным или страдательным залогом) [7]. Например: *Wo ba ta ying le* (Я его победил); *Ta bei wo ying le* (Он был побежден мной). Предложения с «*ba*» или «*bei*» частотны в речевой деятельности, но в числе предложений с глагольным сказуемым они не преобладают. Кроме того, эти предложения могут представлять собой OV-фразеологизмы. В этом случае они не являются вариантами SVO.

И в русском, и в китайском языках имеются бытийные предложения, в которых основной порядок слов — «детерминант + бытийный глагол + подлежащее», например:

1. *Jia li lai le ke ren.* — *К нам пришли гости.*
2. *Cheng wai you tiao he.* — *За городом есть река.*

Прямой порядок является обычным, традиционным для языка. Он, как правило, не сопровождается дополнительной нагрузкой, которая могла бы передавать субъективное отношение говорящего. Инверсия связана с экспрессивным словопорядком, с актуализацией рематической, новой информации. Ср.: *Маша у*мница.* и *У*мница Маша!* В нейтральном случае прямой порядок такой: «подлежащее + (вспомогательный глагол) + именное сказуемое»; в экспрессивно окрашенном *умница* перемещается в препозицию, находится перед подлежащим. Говорящий актуализирует свойство субъекта.

Известно, что слова в русском языке имеют универсальные изменения формы благодаря наличию флексии у большинства знаменательных частей речи, а посредством окончаний выражаются разные грамматические отношения между словами. В китайском языке из-за отсутствия форм словоизменения порядок слов выполняет исключительно важную функцию в синтаксической связи членов предложения. В русском же языке, в отличие от китайского, порядок слов в процессе функционирования при выражении грамматических отношений вариативен. Срав-

ним: *Jianguo ai shang le Masha* (Зянгуо полюбил Машу). — *Masha ai shang le Jianguo* (Маша полюбила Зянгуо). Вследствие изменения порядка слов соотношение между субъектом и объектом тоже изменилось, логический смысл в двух предложениях стал разным. В китайском языке модель построения предложения «субъект + предикат + объект» (S-V-O) нельзя трансформировать в O-V-S (хотя иногда можно SOV, OSV). В русском же языке, кроме SVO (*Пётр полюбил Машу*), имеются также модели VSO (*Полюбил Пётр Машу*), VOS (*Полюбил Машу Пётр*), SOV (*Пётр Машу полюбил*), OVS (*Машу полюбил Пётр*), OSV (*Машу Пётр полюбил*). Благодаря флективной морфологической природе русского языка и изменениям форм слов синтаксический статус субъекта и объекта сохраняются, несмотря на их перестановку в высказываниях. Разумеется, каждый вариант словорасположения различается оттенками коммуникативной нагрузки. Варианты с непрямым порядком слов имеют свой подтекст, который достаточен для выражения определённых мыслей без слов. Так, при прямом порядке слов (SVO) предполагается, прежде всего, экспрессивная и стилистическая нейтральность высказывания при теме (известном) — *Пётр полюбил* — и реме (новом) — *Машу*. При этом предполагаемый подтекст таков: **Пётр полюбил Машу, а не кого-то другого*. Однако такое понимание высказывания предполагает фразовое ударение только на слове, обозначающем объект (*Пётр полюбил Ма́шу*). При этом же порядке слов фразовое ударение может быть иным. В этом случае высказывание приобретает экспрессивный характер, а рема перемещается с обычной для себя позиции: в препозицию (*Пё́тр полюбил Машу* = **Машу полюбил Пётр, а не кто-то другой*) либо интерпозицию (*Пётр Машу полюби́л, а не поступил с ней по-другому*). В наших интерпретациях мы изменили порядок следования слов, поставив рему в постпозицию.

Сопоставим ещё примеры с разным порядком слов, но постпозитивной ремой: *Я читаю кни́гу* (а не что-то другое); *Я книгу чита́ю* = *Книгу я чита́ю* (а не делаю с ней что-то другое); *Книгу читаю я́* (а не кто-то другой). В китайском языке наблюдаем аналогичную ситуацию: *Jianguo ai shang le Masha* (Зянгуо полюбил Машу) и *Masha Jianguo ai shang le* (Машу Зянгуо полюбил). Порядок слов указывает на иное значение, но при этом субъект и объект мыслятся одинаково.

Wo yao zhe shuang xie zi (Я хочу эти туфли); *Zhe shuang xie zi wo yao* (Эти туфли я хочу). Однако ни в коем случае не может быть **Zhe shuang xie zi yao wo*, так как здесь субъект приобретает позицию объекта, а объект — позицию субъекта. В переводе это значит: **Эти туфли хотят меня*.

В русском предложении порядок слов иногда тоже бывает фиксированным: когда, например, формы слов не могут отражать синтаксического соотношения между субъектом и объектом. Сравните: *Мать любит дочь* и *Дочь любит мать*; *Опубликован ответ Венгрии Румынии* и *Опубликован ответ Румынии Венгрии*. Здесь порядок слов — единственное средство синтаксической связи. Таких примеров в русском немало, однако они встречаются гораздо реже, чем в китайском языке.

Выводы. Таким образом, исходя из формально-грамматической концепции, русский язык в качестве синтетического языка имеет богатую систему словоизменения, которая, наряду с порядком слов, выполняет исключительно важную роль в построении предложений. Однако в русском языке порядок слов в роли синтаксического средства представляет собой лишь «запасное» средство, тогда как в китайском языке, корневом, из-за отсутствия системы словоизменения словопорядок, наряду с другими синтаксическими средствами, занимает господствующее место при формировании высказываний.

По общепринятому мнению, порядок слов в китайских высказываниях строго фиксирован, а в русском — свободный. Однако наши наблюдения свидетельствуют об относительности этого утверждения. В мире нет языка, в котором порядок слов в предложении был бы абсолютно фиксированным или абсолютно свободным. По нашему мнению, изменение порядка следования слов в высказывании тесно связано с фразовым ударением и актуальным членением. Таким образом, изменение прямого порядка слов обычно указывает на изменение оттенков смысла и подтекст высказанного, если субъект и объект неизменны по сути.

Литература

1. Ван Ли (王力 / Wang Li). Теория грамматики китайского языка (Чжунго юйфа лилунь): в 2 т. Шанхай: Хайян шудян, 1944–1945 [на китайском языке].
2. Ван Ли (王力 / Wang Li). Основы китайской грамматики (Чжунго юйфа ганъяо). Шанхай: Хайян шудян, 1946 [на китайском языке].
3. Ван Ли (王力 / Wang Li). Части речи (Цы лэй). *Лекции по современному китайскому языку (Сяньдай ханьюй цзяньцзо)*. Пекин, 1983. С. 106–119 [на китайском языке].
4. Виноградов В. В. Из истории изучения русского синтаксиса (от Ломоносова до Потебни и Фортунатова). Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1958. 400 с.
5. Гао Минкай (高名凯 / Gao Mingkai). Теория китайской грамматики (Ханью Юфалунь). Пекин: Изд-во Шанг у, 1986 [на китайском языке].
6. Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык: в 2 т. 3-е изд. Москва: Просвещение, 1968. Т. 2. Синтаксис. 344 с.

7. Горелов В. И. Теоретическая грамматика китайского языка. Москва: Просвещение, 1989. 318 с.
8. Грамматика русского языка: в 2 т. Т. 2, ч. 1. Синтаксис. Словосочетание. Предложение / ред.: В. В. Виноградов, Е. С. Истрина. Москва: Изд-во АН СССР, 1960. 702 с.
9. Драгунов А. А. Исследования по грамматике современного китайского языка. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1952. 231 с.
10. Изучение сопоставления русского и китайского языка / ред. Zhang Huisen. Шанхай: Образование на иностранных языках, 2004 [на китайском языке].
11. Китайское языкознание: материалы IX Междунар. конф. / ред. В. М. Солнцев. Москва: Ин-т востоковедения РАН, 1998. 220 с.
12. Ковтунова И. И. Современный русский язык: порядок слов и актуальное членение. Москва: Просвещение, 1976. 240 с.
13. Люй Шусян (吕叔湘 / Lv Shuxiang). Сборник статей по языкознанию. Пекин: Шанг у, 1983 [на китайском языке].
14. Люй Шусян (吕叔湘 / Lv Shuxiang). Очерки по китайской грамматике. Пекин: Шанг у, 1979 [на китайском языке].
15. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Москва: Азбуковник, 2001. 626 с.
16. Русская грамматика: в 2 т. / ред. Н. Ю. Шведова. Москва: Наука, 1980.
17. Солнцев В. М. Введение в теорию изолирующих языков (в связи с общими особенностями человеческого языка). Москва: Восточная лит., 1995. 353 с.
18. Солнцев В. М. Очерки по современному китайскому языку. Москва: ИМО, 1957. 207 с.
19. Степанов Е. Н., Гукова Л. Н. Рецензия: В. Н. Абашина. Вопросы коммуникативно-прагматического описания сложного предложения в русском языке: аспект актуального членения: монография. Львов, 2006. 344 с. Мова. Одеса: Астропринт, 2009. № 14. С. 239–244.
20. Степанов Е. Н., Фудим Т. А. Дипломатический текст как источник культурной информации о едином расчётном эквиваленте в российско-китайских экономических отношениях. *Традиционная духовная культура восточнославянских и китайского народов*: сб. науч. тр. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2017. С. 170–173.
21. Чжан Хуэйсень (张会森 / Zhang Huisen). Функциональная грамматика русского языка. Пекин: Высшее образование, 1991.
22. Чжан Хуэйсень (张会森 / Zhang Huisen). Новейшая грамматика русского языка. Пекин: Высшее образование, 2000.
23. Чжан Хуэйсень (张会森 / Zhang Huisen). Изменение и развитие современного русского языка. Пекин: Народное образование, 1984.
24. Greenberg J. H. Some universals of grammar with particular reference to the order of meaningful elements. *Universals of grammar*. 2nd ed. Cambridge, Mass: MIT Press, 1966. P. 73–113.

References

1. Wang Li (1944–1945), *Chinese Language Grammar Theory*: in 2 vol. [*Zhongguo Yufa Lilun*: 2 juan], Haiyang Shudyuan, Shanghai.
2. Wang Li (1946), *Fundamentals of Chinese Grammar* [*Zhongguo Yufa Gangyao*], Haiyang Shudyuan, Shanghai.
3. Wang Li (1983), “Parts of speech”, *Lectures on the modern Chinese language* [“Tse Lei”, *Xiandai hanyu jiangju*], Beijing, pp. 106–119.
4. Vinogradov, V. V. (1958), *From the history of the study of Russian syntax (from Lomonosov to Potebnya and Fortunatov)*, Moscow Univ. Publ. House, 400 p.
5. Gao Mingkai (1986), *Theory of Chinese Grammar* [*Hanyu Yufalun*], Shang wu Publishing House, Beijing.
6. Gvozdev, A. N. (1968), *Modern Russian literary language*: in 2 vol., 3rd ed. [*Sovremennyy russkiy literaturnyy yazyk*: v 2 t., 3-e izd.], Prosveshchenye, Moscow, vol. 2, Syntax, 344 p.
7. Gorelov, V. I. (1989), *Theoretical grammar of the Chinese language* [*Teoreticheskaya grammatika kitayskogo yazyka*], Prosveshchenye, Moscow, 318 p.
8. *Grammar of the Russian language*: in 2 vols. (1960) [*Grammatika russkogo yazyka*: v 2 t.], eds. V. V. Vinogradov, E. S. Istrina, Publ. House of the USSR Academy of Sciences, Moscow, vol. 2, part 1, 702 p.
9. Dragunov, A. A. (1952), *Research on the grammar of the modern Chinese language* [*Issledovaniya po grammatike sovremennogo kitayskogo yazyka*], Publ. House of the USSR Acad. of Sciences, Moscow, Leningrad, 231 p.
10. *The comparison studies of the Russian and Chinese languages* (2004) [*É hanyü yán bǐjiào yánjiū*], ed. Zhang Huisen, Wàiyü jiàoyù, Shanghai.
11. *Chinese linguistics*: Proceedings of the 9th International Conf. (1998) [*Kitayskoye yazykoznanie: materialy IX Mezhdunar. konf.*], ed. V. M. Solntsev, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, 220 p.
12. Kovtunova, I. I. (1976), *Modern Russian language: Word order and actual division* [*Sovremennyy russkiy yazyk: Poryadok slov i aktual'noye chleneniye*], Prosveshchenye, Moscow, 240 p.
13. Lv Shuxiang (1983), *Collection of articles on linguistics* [Guānyú yǔyán xué de wénzhāng jí], Shang wu, Beijing.
14. Lv Shuxiang (1979), *Essays on Chinese grammar* [*Hànyü yǔfǎ lǔnwén jí*], Shang wu, Beijing.
15. Rosenthal, D. E., Telenkova, M. A. (2001), *Dictionary of linguistic terms* [*Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov*], Azbukovnik, Moscow, 626 p.
16. *Russian grammar*: in 2 vols (1980) [*Russkaya grammatika*: v 2 t.], ed. N. Yu. Shvedova, Nauka, Moscow.
17. Solntsev, V. M. (1995), *Introduction to the theory of isolating languages (in connection with the general features of human language)* [*Vvedeniye v teoriyu izoliruyushchikh yazykov (v svyazi s obshchimi osobennostyami chelovecheskogo yazyka)*], Oriental literature, Moscow, 353 p.
18. Solntsev, V. M. (1957), *Essays on the modern Chinese language* [*Ocherki po sovremennomu kitayskomu yazyku*], IMO, Moscow, 207 p.

19. Stepanov, Ie. N., Gukova, L. N. (2009), Review “V. N. Abashina. Issues of communicative-pragmatic description of a complex sentence in Russian: aspect of actual division: a monograph. Lviv, 2006. 344 s.” *Mova / Language* [Retsenziya “V. N. Abashina. Voprosy kommunikativno-pragmaticheskogo opisaniya slozhnogo predlozheniya v russkom yazyke: aspekt aktual'nogo chleneniya: monografiya. L'vov, 2006. 344 s., *Mova*], Astroprint, Odessa, No. 4, pp. 239–244.

20. Stepanov, Ie. N., Fudim, T. A. (2017), “Diplomatic text as a source of cultural information about a single settlement equivalent in Russian-Chinese economic relations”, *The traditional spiritual culture of the East Slavic and Chinese peoples: Collection of research articles* [“Diplomaticheskiiy tekst kak istochnik kul'turnoy informatsii o yedinom raschotnom ekvivalente v rossiysko-kitayskikh ekonomicheskikh otnosheniyakh”, *Traditsionnaya dukhovnaya kul'tura vostochnoslavianskikh i kitayskogo narodov: sb. nauch. tr.*], Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, pp. 170–173.

21. Zhang Huisen (1991), *Functional grammar of the Russian language* [*Funktsional'naya grammatika russkogo yazyka*], Higher Education, Beijing.

22. Zhang Huisen (2000), *The latest grammar of the Russian language* [*Noveyshaya grammatika russkogo yazyka*], Higher Education, Beijing.

23. Zhang Huisen (1984), *Change and development of the modern Russian language* [*Izmeneniye i razvitiye sovremennoy russkogo yazyka*], Public Education, Beijing.

24. Greenberg, J. H. (1966), “Some universals of grammar with particular reference to the order of meaningful elements”, *Universals of grammar*, 2nd ed., MIT Press, Cambridge, Mass, pp. 73–113.

ЧЕНЬ Шаосюн,

кандидат філологічних наук, викладач факультету російської мови інституту іноземних мов Хучжоуського університету; Друга Східна дорога, 759, м. Хучжоу, 313000, КНР;
тел.: +86 186 21792342; e-mail: aljosh@126.com; ORCID ID: 0000-0002-2101-9742

СПІЛЬНЕ ТА ВІДМІННЕ В ПОРЯДКУ СЛІВ КИТАЙСЬКОГО І РОСІЙСЬКОГО РЕЧЕННЯ

Анотація. Мета цієї статті — виявити деякі сутнісні збіги й відмінності порядку слів у російському та китайському простому реченні та визначити способи використання виокремлених особливостей під час вивчення цих мов. **Об'єкт** дослідження — конструкції простого речення в російській і китайській мовах. **Предмет** дослідження — структурні, семантичні та функційні відмінності порядку слів у російському та китайському висловлюванні. Використано *методи* функційно-синтаксичного та лексико-семантичного аналізу, порівняльний та описовий методи. У *результаті* проведеного дослідження встановлено, що російське речення з трьох слів: суб'єкта, предиката й об'єкта, — має всі шість можливих форм розташування слів, а його китайський еквівалент — тільки три. У той же час, у російській і в китайській мовах основною, експресивно нейтральною є модель «суб'єкт — предикат — об'єкт». **Висновки** полягають у наступному: зміна порядку розташування слів у висловленні корелює з фразовим наголосом і актуальним членуванням. Зміна прямого порядку слів зазвичай вказує на зміну відтінків значення та підтекстів висловленого, якщо суб'єкт і об'єкт незмінні по суті.

Ключові слова: просте речення, порядок слів, варіативність, зіставлення, китайська та російська мови.

CHEN Shaoxiong,

Candidate of Philological Sciences, Lecturer, Russian Language Department, Institute of Foreign Languages, Huzhou University; 759, East Second Road, Huzhou, 313000, China;
phone: +86 186 21792342; e-mail: aljosh@126.com; ORCID ID: 0000-0002-2101-9742

COMMON AND VARIOUS IN THE WORD-ORDER OF CHINESE AND RUSSIAN SENTENCES

Summary. The *purpose* of this article is to identify some essential coincidences and differences in word order in the Russian and Chinese simple sentences and determine how to use the established features in the study of these languages. The *object* of this research are simple sentence models in Russian and Chinese. The *subject* of the study is the structural, semantic and functional differences of the vocabulary in Russian and Chinese utterances. The *methods* of functional syntactic and lexical-semantic analysis, comparative and descriptive methods are used. As a result of the study, it was found that the Russian sentence of three words: subject, predicate and object, has all six possible variants of the word order, while its Chinese equivalent has only three variants. At the same time, in both Russian and Chinese, the main, namely expressively neutral model is “subject — predicate — object”. The *conclusions* are that the change of words order in utterance is closely related to phrasal stress and actual division. Every change in direct words order usually indicates a change in the shades of meaning and the subtext of what is expressed, if the subject and object are unchanged in essence.

Key words: simple sentence, word-order, variability, contrast, the Chinese and the Russian languages.

Статтю отримано 31.03.2019 р.